

УДК 001.2:008.001

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Р.Б. Квеско, И.Л. Ванина, С.Б. Квеско*, А.П. Чубик, С.В. Бухтояров, Н.Е. Емельянова

Томский политехнический университет

*Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета инновационных технологий и предпринимательства, г. Томск

E-mail: kvesko@tpu.ru

Рассматривается проблема социолингвистики как науки и социокультурного феномена. На основании анализа концепций выявляются особенности роли языка в развитии общества как социального кода между структурными элементами социума, специфики общения социальных слоев и групп как средства воспитания и обучения личности. Сделан вывод о роли интертекстуальной природы и социальной конструкции всех смыслов, а также интерактивного взаимодействия языка и социальной среды в формировании социальной корпоративной среды общества, в управлении социальными процессами.

Социальная лингвистика привлекает к себе все больше внимания в современной науке и представляет собой область знаний, где основное внимание уделяется изучению языка и речи, а также формам существования языка, употребление которых зависит от статуса, возраста, принадлежности к той или иной социальной группе и др. Известно, что язык — это явление социальное, и он тесным образом связан с обществом, которое в свою очередь играет немаловажную роль в развитии самого языка.

В означенной проблеме «языка и общества» можно выделить два противоположных толкования социальной природы языка. Согласно одному из них, «язык социально обусловлен лишь внешними условиями своего бытования (например, является ли язык единым для всего государства или в данной стране говорят на разных языках, как и кому преподается язык и т. д.). Согласно же другой концепции, язык социально обусловлен не только внешними условиями, но и всем своим существом, своей природой, уровнем своего развития» [1. С. 253].

В процессе исследования проблемы «языка и общества», как подчеркивает В.Д. Бондалетов, учеными уже выделено и осмыслено значительное число категорий и понятий, с помощью которых можно составить представление о закономерностях функционирования языка в различных сферах человеческой деятельности. Выделенные научные понятия относятся как к обществу, так и к языку. Общество можно определить также как: «социум, языковой коллектив, речевой коллектив, сфера общения, среда общения». В свою очередь для языка могут быть выделены следующие понятия: «язык, диалект, устно-разговорная форма языка, письменная-книжная форма языка, койне, язык народности, язык нации, литературный язык, типы литературного языка по выполняемым функциям, функциональные стили, состояние языка, внешняя система языка (социально-коммуникативная система языка и ее компоненты), языковая ситуация, виды языковых ситуаций, коммуникативная среда и ее типы» [2. С. 44] и т. д.

Выделенные категории и понятия относятся к сфере изучения социолингвистики или *социальной лингвистики*. Данное «направление языкознания изучает общественную обусловленность возникно-

вания, развития и функционирования языка, взаимодействие общества на язык и языка на общество» [2. С. 10], «соотношение языка и социальной структуры» [3. С. 15], а также «социальное расслоение языка» [4. С. 17].

Термин «социолингвистика» впервые был использован американским исследователем Х. Карри в 1952 г. Этот термин обозначал направление, которое фактически уже существовало в языкознании и свою главную цель видело в исследовании языка как явления общественного.

Считалось, что структура общества и языка определенным образом тесно связаны друг с другом. С одной стороны (с исторической точки зрения), конкретные отдельные языки связаны всегда только с определенной группой носителей и определенные языковые содержания и формы являются выражением общественных структур. С другой стороны, общество зависит от языка: язык основывает национальную идентичность и создает в своей форме пространственно-временные связи, от которых зависит общественное действие [5].

На становление данной науки, как отмечает автор статьи «Экскурс: Социолингвистика» [6], в большей степени в Великобритании повлияла теория языковых барьеров, так называемая теория «развернутого» и «ограниченного» кода, которая была выдвинута Б. Бернштейном еще в 60-е годы прошлого века. Различие между ними, как отмечает А.Д. Швейцер, состоит в том, что первый характеризуется меньшей степенью предсказуемости и предпочитает более сложные синтаксические построения, тогда как для второго характерна высокая степень предсказуемости и широкое использование элементарных синтаксических структур [6. С. 17].

Б. Бернштейн хотел установить взаимосвязь между используемым кодом и социальной структурой общества. Таким образом, средний класс общества пользуется существенно другим языком (совершенный код) нежели низший класс (или рабочий), использующий ограниченный код. Язык является определяющим для той или иной группы и отделяет, таким образом, одну от другой. Овладение языком определяется языковым окружением человека, то есть, как уже отмечалось, социальная группа играет существенную роль в том, какой

формой владеет тот или иной ее представитель. Также согласно этой теории, язык и языковые умения становятся существенным фактором для приобретения жизненного опыта и задатков человека, создающими предпосылки для успешного воспитания и обучения говорящего, т. е. ребенок, рождаясь, попадает в определенную социальную группу. Развиваясь, он овладевает языком своей группы, то есть определенной формой языка, которая становится для него определяющей [5, 7].

Интересным для овладения языком в этой связи является неважный тезис, что различные социальные структуры требуют от индивида различную манеру говорить: «Социальная структура порождает определенные способы говорения, которые согласно своим ценностным ориентациям относительно закреплены как код и приобретают определенный образ жизни. В процессе социализации ребенок одновременно изучает социальную структуру и языковой код и поэтому может продуцировать в своем мышлении только те направления, которые посредством кода были ему переданы» [7].

Язык как код рассматривается как определенный признак для воспитания. Язык (посредством индивидуальной передачи в образовании) становится гарантом для репродукции общества. Это значит, что язык является непосредственным носителем общественной структуры, и эта общественная структура через овладение языком «записывается в индивида». Индивид продуцирует в своем говорении эту структуру снова вовне, в языковом единстве говорящих на одном языке (имеется в виду форма того или иного языка) он приобретает свою идентичность (личность), отгораживается от говорящих на другом языке и передает свою структуру посредством языка дальше (через воспитание, через общественную жизнь) [7], т. е. оба эти кода отражают систему ролей и ценностные ориентации их носителей. Они отличаются лишь содержанием словаря, то есть различными вариантами выбора слов, с другой стороны, особенностями синтаксических структур, в результате подчеркивалось, что совершенный (разработанный) код является превосходящим ограниченный (код).

Еще раз подчеркнем, что данная теория имела немаловажное значение в развитии социолингвистики как науки в Великобритании, и там она нашла свое применение в педагогике, хотя и не так успешно.

Однако вернемся к определению социолингвистики как науки. Необходимо отметить, что у социальной лингвистики предмет исследования понимается неоднозначно (не случайно некоторые авторы предпочитают говорить о предметной области этой науки, а не о ее четко очерченном и строго определенном предмете), отсюда и большое разнообразие названий данной области: «социология языка», «социологическая лингвистика», «социологическое языкознание», «лингвистическая социология», «лингвосоциология», «социолингвисти-

ка», «социальная лингвистика» и другие. Также можно подчеркнуть, что социолингвистика делится на «микро-» и «макро-», так как исследователь может сосредоточить внимание, с одной стороны, на микропроцессах интеракции между отдельными членами малой группы, с другой стороны — на выборе средства внутреннего и внешнего общения в масштабах государства [8. С. 52]. Лишь немногим удавалось сочетать эти два подхода, что, в свою очередь, обеспечивает наиболее полное рассмотрение социолингвистических проблем, например, Роджеру Т. Беллу. Но следует помнить и о том, что на «характер определения неминуемо оказывают влияние непосредственные интересы данного ученого, что часто связано с его специальностью. Так, языковеды, за некоторым исключением, ..., настаивают на узком определении предмета социолингвистики. В противоположность им социологи предпочитают более широкие определения предмета» [6. С. 17].

Так в «Словаре лингвистических терминов», составленном известным советским филологом О.С. Ахмановой, термин «социолингвистика», или «социологическая лингвистика», приводится с двумя значениями: «1. Раздел языкознания, изучающий причинные связи между языком и фактами общественной жизни. 2. Раздел языкознания, изучающий социальную дифференциацию языков, то есть различные его социальные диалекты» [9. С. 444].

Второе из приведенных определений относится, скорее всего, к социальной диалектологии, которую можно считать одной из частей социальной лингвистики. Но в данном случае под социальной диалектологией подразумевается широкая дисциплина, она исследует все виды социальной дифференциации языков, а не только собственно социальные диалекты (профессиональные говоры, корпоративные жаргоны, аргот и др.). Что же касается первого определения, и здесь мы согласимся с мнением В.Д. Бондалетова, то оно указывает на главную проблему социолингвистики — «язык и общество», но не раскрывает разнонаправленности «причинных» связей «между языком и фактами общественной жизни». Нет в этом определении указаний и на ряд других важных аспектов, без которых уже трудно представить современную социальную лингвистику [2. С. 11–12].

Узкое определение (по формулировке) социальной лингвистики в конце 60-х годов XX в. предлагал и известный социолингвист академик В.М. Жирмунский. По его мнению, данная наука в узком смысле занимается исследованием проблем, которые можно разделить на два взаимосвязанных круга. Это:

- 1) социальная дифференциация языка классового общества на определенной ступени его исторического развития (у данного общественного коллектива в данную историческую эпоху);
- 2) процесс социального развития языка, его история как явление социальное (социально-дифференцированное) [10. С. 14].

Узкую трактовку социолингвистики мы также найдем и у В.А. Аврорина, который считает единственным специфическим объектом изучения в пределах данного направления «функционирование языков и характерные для этнических коллективов языковые ситуации» [11. С. 10]. Под «языковой ситуацией» понимается совокупность ролей, которую язык играет в жизни общества [11. С. 11].

Как отмечает А.Д. Швейцер, большое разнообразие узких определений мы можем найти и в зарубежной литературе, поскольку западная социолингвистика главным образом ориентирована на «анализ языкового общения и коммуникативного акта» [6. С. 53]. Здесь можно выделить следующие разновидности:

1. Самым широким определением является то, в котором коммуникативный процесс представляется целостным и социальные и индивидуальные аспекты коммуникации связаны воедино. В рамках данного направления необходимо попытаться связать теорию общества и опирающуюся на нее теорию языка с теорией коммуникации малых групп и, в конечном счете, с лингвистическим анализом речевых произведений индивида.
2. Следующая разновидность социолингвистики имеет дело лишь с социальными факторами, оказывающими непосредственное влияние на отдельный речевой акт. При этом социальная дифференциация общества принимается за данное и соотносится с некоторыми параметрами вариативности речевого поведения (социальная роль, ситуация, тема и т. д.).
3. Более узкое представление о социолингвистике ограничивается изучением связей между типами речевых кодов и различными социологическими параметрами.
4. И последняя разновидность социолингвистики исходит из корреляции речевого поведения с социолингвистическими параметрами, характеризующими статус, профессию и т. п. говорящих и, в конечном счете, также и социальную ситуацию [6. С. 53–54].

Более широкие определения предмета социолингвистики мы находим у многих отечественных исследователей, например, у Ю.Д. Дешериева, Л.Б. Никольского, А.Д. Швейцера, Р.А. Будагова и др. Так Р.А. Будагов в своей книге «Человек и его язык» пишет: «До последнего времени социолингвистика более интересовалась языковыми контактами, языковой дифференциацией. Настало время расширить сферу социолингвистики: активная позиция людей... ставит перед лингвистами проблему постоянного и глубокого взаимодействия между языком и его носителями» [12. С. 107].

Язык — создание общества, и в нем все общественно. Что же в таком случае нужно понимать под социолингвистикой? Пока что в этот термин вкладывается различное содержание, границы которого очень неясны. По-видимому, за ним нужно

закрепить два значения: 1) изучение зависимости языка, его структуры от общества, иначе говоря, социальной обусловленности языковых явлений; 2) изучение общественных функций языка, его роли в обществе, воздействия на общество. Разумеется, оба эти значения тесно связаны друг с другом, составляют единый комплекс проблем [13. С. 131].

Данное определение социолингвистики, предложенное Ф.П. Филином [13], представляется нам важным, так как в числе центральных проблем социолингвистики названы: 1) социальная обусловленность языковых явлений, в том числе и его структуры; 2) общественные функции языка; 3) воздействие языка на общество.

Однако, необходимо также отметить, и это явно видно из работ, посвященных данной проблеме, что большинство исследователей единодушно говорят об изучении в рамках социолингвистики общественных функций языка, его роли в человеческом коллективе. Но далеко не все из них признают социальную обусловленность его структуры и соглашались с тем, что предметом социальной лингвистики является также проблема воздействия языка на общество.

И именно в этой связи необходимо привести разъяснения, предложенные Ф.П. Филином: «Структура языка не безразлична для целей общества. Изменение общественных функций влечет за собой и изменение как отдельных элементов языковой структуры, так и постепенно структуры в целом ... Внутренние закономерности развития языка из потенции превращаются в реальные изменения только в пределах его общественных функций и благодаря им» [13. С. 154].

Но в данном случае мы согласны с точкой зрения В.Д. Бондалетова, который считает, что «и теоретически и практически целесообразно придерживаться не узкого, а широкого представления о предмете (предметной области) социальной лингвистики. При таком подходе шансы на изучение, с одной стороны, социальной обусловленности языка и, с другой стороны, его активной роли в жизни общества явно возрастают. Отлучение от социолингвистики каких-то проблем так называемой «внутренней», или «структурной», лингвистики, поспешное признание «эмансипированности от общественного развития» организации и эволюции внутренней структуры языка, разделение явлений языка на «социально обусловленные и социально не обусловленные» без достаточной их изученности на предмет социальной обусловленности вряд ли будут способствовать адекватному познанию общественной природы языка. Лишь после углубленного и тщательного изучения языка как функционирующей структуры в ее многочисленных социально-функциональных проявлениях можно будет составить мнение о степени общественной обусловленности тех или иных функциональных разновидностей языка, тех или иных звеньев и единиц его «внутренней» структуры» [2. С. 16].

Таким образом, предмет социолингвистики или, точнее, ее предметную область составляют изучение влияния социальных факторов на систему языка, на ее функциональное использование в процессе речевой коммуникации и на ее развитие, а также исследование роли, которую язык играет в функционировании и развитии общества. Говоря короче, социолингвистика, как наука, изучает весь комплекс проблем, отражающих двусторонний характер связей между языком и обществом [6. С. 60].

Конечно, не только социолингвистика занимается рассмотрением данного вопроса, данной проблемы — изучение языка и общества, изучение взаимосвязей языка и общества, их взаимовоздействия. К таким научным дисциплинам относятся также и стилистика, и психолингвистика, и т. д. Но именно в данной научной области нам представляется возможным найти, как соотносится социальная принадлежность человека к той или иной социальной группе и употребление соответствующей формы языка. И подтверждение данной мысли мы находим у О.Я. Гойхмана, «социолингвисты установили, что социальный статус человека во многом зависит от того, насколько в его речи соблюдаются нормы, свойственные людям соответствующего круга» [4. С. 17].

Однако в современных философских направлениях полностью меняется представление о языке и отношение к нему. Если еще со времен де Соссюра язык представлял собой систему знаков, и считалось, что смысл каждого знака становится понятным благодаря изучению отношений между знаками в системе, а особое значение придавалось бинарным оппозициям, то в постструктурализме все это кардинальным образом меняется. Язык и знак являются собственным объективно существующим пространством, не связанным ни с человеком, ни с действительностью [14]. Знак является фикцией, так как означаемого не существует, оно — лишь иллюзия. Идея «различия» уступает место идее «различения», что означает конец власти одних смыслов над другими. Знак выступает как полная противоположность самому себе — он есть не указание на какой-либо предмет или смысл, а, наоборот, указание на его отсутствие. Знак и смысл превращаются в фикцию, симулякр, маскирующий отсутствие актуального смысла, и предлагающий взамен свои многочисленные коннотации. Знак, таким образом, и превращается в след любого явления, так как не имеет никакого отношения к предмету. А язык уже не представляется строгой системой порядка, он становится воплощением беспорядка и нестабильности, он метафоричен.

Постструктурализм как подход в гуманитарном знании (философии, антропологии, истории, психологии, лингвистике и литературной критике) перевернул представление о многих явлениях и переосмыслил многие понятия. Так как уже в середине XX в. острыми становились проблемы «множественности истолкования, интерпретации текста, постижения его интуитивно средствами индивиду-

ального субъективного восприятия». Таким образом, возникла социокультурная потребность преодоления власти модернистских норм мышления, их закрытости, репрессивности устоявшихся культурных запретов и предписаний» [15].

Язык и текст приобрели, таким образом, самостоятельное значение, выступая в культурном дискурсе как способ упорядочения бытия в соответствии с правилами, задаваемыми этим дискурсом. Такой подход обуславливал повышенный интерес постструктуралистов к культурному тексту как закодированной, образно или символически выраженной информации.

Новое представление о тексте и идея множественности его истолкования обусловили выдвижения на первый план вопроса о взаимоотношениях самого текста и способах его прочтения. Границы текста становились границами исторического мира [15].

«Прежде всего, текст уничтожает всякий метаязык, и собственно, поэтому он и является текстом: не существует голоса Науки, Права, Социального института, звучание которого можно было бы слышать за *голосом* самого текста. Далее текст безоговорочно, не страшась противоречий, разрушает собственную дискурсивную, социолингвистическую принадлежность, свой «жанр»; текст — это «комизм, не вызывающий смеха», это ирония, лишенная заразной силы, ликование, в которое не вложено души, мистического начала, текст — это раскавыченная цитата. Наконец, текст, при желании, способен восставать даже против канонических структур самого языка — как против его лексики (изобилие неологизмов, составные слова, транслитерации), так и против синтаксиса (нет больше логической ячейки языка — фразы)» [16. С. 486].

«Текст не ограничивается рамками добропорядочной литературы, не поддается включению в жанровую иерархию, даже в обычную классификацию, — пишет Р. Барт, — Текст уклончив, он работает в сфере означающего. Текст зиждется не на понимании, а на мотонимии; в выработке ассоциаций, взаимосцеплений, переносов находит себе выход символическая энергия; без такого выхода человек бы умер» [16. С. 415–417].

В итоге текст перерастает в «дискурс» или «диалог». По М.М. Бахтину, дискурс — это явление, включающее в себя говорящего и пишущего субъекта, а также потенциальных читателей и слушателей. «Он оказывается обозначением смысловой среды, среды всеобъемлющей культуры, в которой обитает цивилизованный человек, постоянно общающийся с другими людьми и совместно с ними творящий бесконечный глобальный текст» [17. С. 172].

В дискурсе человек встречается со сказанными вещами и сформулированными в рамках высказываний словами. Дискурс сближает язык и реальность, но и разрывает жесткие сочленения слов и вещей [18. С. 117].

Дискурсом называется совокупность высказываний, принадлежащих к одной и той же дискурсивной формации. Дискурсивная практика — «это совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [19. С. 118].

Основу же текста, по оценке Р. Барта, «составляет его выход в другие тексты, другие коды, другие знаки», и, собственно, текст — как в процессе письма, так и в процессе чтения есть «воплощение множества других текстов, бесконечных или, точнее, утраченных (утративших следы собственного происхождения) кодов». Таким образом, каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки старых культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и так далее — все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [20. С. 359].

А смысл возникает только как результат связывания между собой семантических векторов, которые выводят в широкий культурный контекст и выступают по отношению к любому тексту как внешняя семиотическая среда, что важно для создания определенной корпоративной среды и образовательных коммуникаций.

Итак, текст — это не столько непосредственное соединение в общем контексте сколов предшествующих текстов, сколько наслаивание одних текстов на другие, одних значений на другие, так как язык и понятия с течением времени претерпевают семантические изменения, отражающиеся в текстах различных эпох и культур. В действительности, носитель культуры всегда, как утверждает М. Фуко, «имеет дело с неразборчивыми, полустертыми, много раз переписанными пергаменами» [20. С. 360]. В каждом тексте есть определенные заимствования и влияния других текстов и языков. Итак, «требуется, чтобы отдельные слова-единицы не звучали подобно словесным обрывкам, но наглядно представляли логику и специфические возможности того или иного используемого языка. Только тогда выполняется критерий многоязычия» (В. Вельш) [20. С. 360].

«Текст ... образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат — из цитат без кавычек» (Р. Барт) [20. С. 360]. Чтобы узнать цитату в тексте необходимо обладать определенной культурной компетенцией. Цитата, как утверждает У. Эко, «будет понята лишь в том случае, если зритель догадывается о существовании кое-где кавычек. Отсутствующие в типографическом смысле

кавычки могут быть обнаружены лишь благодаря «внетекстовому знанию» [21]. В связи с этим, «материал более не цитируется, ... но вводится в самую ... субстанцию текста» (Ф. Джеймисон) [20. С. 360]. Таким образом, текст представляет собой игру смысла, которая осуществляется посредством игры цитатами и игры цитат.

Но, как отмечает И.П. Ильин [22], постструктуралисты отрицают также и возможность единственно правильной интерпретации текста и отстаивают тезис о неизбежной ошибочности любого прочтения. При этом они наделяют язык критического исследования теми же свойствами, что и язык литературы, то есть риторичностью и метафоричностью, которые якобы присущи самой природе человеческого языка вообще. Также они утверждают постулат об общности задач литературы и критики, видя эти задачи в разоблачении претензий языка на истинность, в выявлении иллюзорного характера любого высказывания.

Для Ж. Дерриды толкования текста представляет собой навязывание ему (тексту) читателем своего собственного смысла, вкладывания в текст того смысла, который сам по себе может быть совершенно другим. С другой стороны, само интерпретирующее «Я» понимается Ж. Дерридой как своеобразный текст, «составленный» из культурных систем и норм своего времени, и, следовательно, произвольность интерпретации со стороны этого «Я» заранее ограничена исторической обусловленностью его норм и систем [22].

В то же время представление о культуре любого исторического периода как о сумме дискурсов или текстов, то есть устных или письменных модусов мышления, представление, обозначаемое термином «текстуальность» и позволяет избежать опасности ничем не ограниченного произвола интерпретации. Поскольку, как не устает повторять Ж. Деррида, «ничего не создается вне текста» [23. С. 158], то и любой индивид в таком случае неизбежно находится «внутри текста», то есть в рамках определенного исторического сознания, что якобы и определяет границы «интерпретативного своеволия» любого индивидуального сознания.

Для Ж. Дерриды вся восходящая к гуманистам традиция работы с текстами выглядит как порочная практика насильственного «овладения» текстом, рассмотрения его как некоей замкнутой в себе ценности, вызванного ностальгией по утерянным первоисточникам и жадной обретения истинного смысла. Поэтому он и утверждает, что понять текст для гуманистов означало «овладеть» им, «присвоить его», подчинив его смысловым стереотипам, господствовавшим в их сознании.

Другой стороной этой позиции является признание факта невозможности отыскать «предшествующую» любому «письму» первоначальную традицию, поскольку любой текст, даже самый древний, обязательно ссылается на еще более ветхое предание, и так до бесконечности. В результате чего и само по-

нятие конечности оказывается сомнительным, очередной «метафизической иллюзией», где культурное «дополнение» присутствует «изначально», или, по любимому выражению Ж. Дерриды, «всегда уже»: «... никогда ничего не существовало кроме письма, никогда ничего не было, кроме дополнений и замещающих обозначений, способных возникнуть лишь только в цепи дифференцированных референций. «Реальное» вторгается и дополняется, приобретая смысл только от следа или апелляции к дополнению. И так далее до бесконечности, поскольку то, что мы прочли в тексте: абсолютное наличие. Природа, то, что именуется такими словами, как «настоящая мать» и так далее, — уже навсегда ушло, никогда не существовало; то, что порождает смысл и язык, является письмом, понимаемым как исчезновение наличия» [23. С. 228].

Таким образом, любое «письмо» или любой культурный текст для Ж. Дерриды никогда не является простым средством выражения истины. Это означает, помимо всего, что даже тексты теоретического характера (литературоведческие и философские) должны прочитываться критически, иными словами, подвергаться точно такой же интерпретации, как и художественные произведения. С этой точки зрения, язык никогда не может быть «нейтральным вместилищем смысла» и требует к себе обостренного внимания [24. С. 140].

Так как, по утверждению Ж. Дерриды [22], «вне текста» ничего нет, то и сознание человека отождествляется с письменным текстом, который представляет собой единственно возможное средство его фиксации более или менее достоверным способом; сознание индивида зависит от языковых стереотипов своего времени. Свобода как таковая сводится в рамках постструктуралистских представлений к свободе интерпретации, понимаемой, разумеется, весьма широко, и предполагает игровой принцип функционирования сознания. Необходимо еще раз подчеркнуть: постулируемая неизбежность интерпретации дает возможность индивиду творить новые смыслы (или оттенки смысла), что уже есть путь к «власти», к «господству» над миром, поскольку в том мире постструктурализма, где доминируют представления о практике не как о чувственно-предметной форме жизнедеятельности, а как о дискурсивных практиках, то есть фактически замкнутых в пределах сознания, «налагание» нового смысла на любой феномен материальной или

духовной действительности означает его подчинение этому «новому смыслу».

Поэтому, когда Ж. Деррида говорил о раскрывающейся перед «читателем» — здесь необходимо объяснить подробнее. Понятие «читатель» понимается в самом широком смысле: в мире культуры, воспринимаемом как мир текстов, каждый из нас является, прежде всего, ее «читателем», вне зависимости от рода деятельности. Так вот, когда Ж. Деррида говорил о раскрывающейся перед «читателем» «бездне» возможных смысловых значений, как и самой возможности «свободной игры активной интерпретации», то тем самым была декларирована и свобода интерпретирующего сознания. При этом были намечены и его пределы, определяемые рамками общей интертекстуальности, или «всеобщего текста» — письменной традиции западной культуры.

Из этого следует, что «значение» слова или какого-либо знака не «природно». Оно не является чем-то навек установленным, так как с позиций постструктурализма слово и обозначаемый им предмет не являются одним и тем же, поскольку то, что обозначается, никогда не присутствует, не «наличествует» в знаке. Значение — это функция языка, того языка, которым мы владеем и который мы используем. Язык не отражает реальность, он продуцирует ее в человеческом сознании. Реальность — это по преимуществу языковая реальность, потому что буквально все теперь может рассматриваться как текст: литература, культура, общество, история и, наконец, сам человек. И мир, таким образом, является текстуализованным [20. С. 280]. Таким образом, меняется и представление о социолингвистике. В традиционном плане она выступает как наука о языке и обществе.

В постструктуралистской трактовке социолингвистика — это социокультурный феномен, определенным образом сформированное лингвистическое пространство, которое связано и с языком, и с социальной коммуникацией как текстовой деятельностью. Благодаря этому, можно проследить интертекстуальную природу и социальную конструкцию всех смыслов, а также выявить интерактивное взаимодействие языка и социальной средой как совокупности социально-языковых и социально-деятельностных коммуникаций в образовании определенной социальной корпоративной среды общества, что является весьма важным фактором в управлении социальными процессами, в частности, и образовательным процессом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будагов Р.А. Язык — реальность — язык. — М.: Наука, 1983. — 263 с.
2. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. — М.: Просвещение, 1987. — 160 с.
3. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. — М.: Наука, 1976. — 253 с.
4. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация. — М.: ИНФРО, 2003. — 272 с.
5. Exkurs: Soziolinguistik [Электронный ресурс] / <http://www-kf.uni-graz.ac.at/ling/sozio/sozio.html>
6. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. — М.: Высшая школа, 1978. — 216 с.
7. Bernstein B. Die Theorie der Sprachbarrieren. [Электронный ресурс] / <http://www.t0.or.at/~kdobl/diss/soziolrw.htm>
8. Белл Р.Т. Социолингвистика: Пер. с англ. / Под ред. д. филол. н. проф. А.Д. Швейцера. — М.: Международные отношения, 1980. — 320 с.

9. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1966.
10. Жирмунский В.М. Марксизм и социальная лингвистика // Вопросы социальной лингвистики. — Л.: Наука, 1969. — С. 99–102.
11. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики. — Л.: Наука, 1975. — 309 с.
12. Будагов Р.А. Человек и его язык. — М.: Изд-во МГУ, 1974. — 263 с.
13. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. — М.: Наука, 1982. — 278 с.
14. Культурология: XX век: Словарь. — СПб.: Университетская книга, 1997. — С. 351–355. [Электронный ресурс] — В режиме: <http://www.countries.ru/library/ideas/poststruktur.htm>
15. Bernstein B. [Электронный ресурс] — В режиме: http://www.amstud.msu.ru/full_text/texts/dementyev/part2/glava4_2/htm
16. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
17. Соколов А.В. Введение в теорию социальной коммуникации. — СПб.: СПбГУП, 1996. — 320 с.
18. Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки. — М.: Логос, 2004. — 328 с.
19. Фуко М. Археология знания. — Киев: Ника-Центр, 1996. — 614 с.
20. Современная западная философия / Под общ. ред. Т.Г. Румянцевой. — Минск: Высшая школа, 2000. — 495 с.
21. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Иностранная литература. — 1988. — № 10. — С. 88–104.
22. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. [Электронный ресурс] — В режиме: <http://www.philosophy.ru/library/il/0.html>
23. Derrida J. De la grammatologie. — Paris, 1967. — 448 p.
24. Atkins G.D. The sign as a structure of difference: Derridean deconstruction and some of its implication // Semiotic themes / Ed. by P. DeGeogre. — Lawrence, 1981. — P. 133–147.

Поступила 25.12.2006 г.

УДК 130.2.13

ПОЭТ КАК ВНЕВРЕМЕННЫЙ И ВНЕПРОСТРАНСТВЕННЫЙ СУБЪЕКТ ДИАЛОГА В КУЛЬТУРЕ

Т.В. Сурина

Сибирский государственный медицинский университет, г. Томск
E-mail: elenes@mail.ru

Освещено онтологическое значение поэта как субъекта в опыте мировой культуры, заключающееся в культурной трансляции, которая строится по принципу диалога. Совершая прорыв в нефизическое время, поэт попадает в пространство всех времен, и с помощью многоуровневой системы своей субъективности, способен проявлять себя в различной структуре Бытия в бесконечном диалоге — самоотражении. Поэт как «пастух Бытия» являет собой, в данной связи, слушающего глубинный зов онтологической полноты, которая обретает в нем свой язык и форму, воплощаясь в поэзии. В этом выражается онтологическое предназначение человека как субъекта культуры — «сказать Бытие», без которого он превращается, по выражению М. Хайдеггера в «работающего зверя».

Обращение к данной теме не случайно. Острота ее обусловлена тем не простым состоянием, в котором пребывает культура, а именно ситуацией отрицания классической рациональности и переосмысления статуса познающего субъекта, что задает широкий спектр актуальных философских проблем. Одной из таких проблем является рассмотрение феномена человеческой субъективности, получившей особую значимость в современной философии. При всем многообразии подходов к данной проблематике, в них наблюдается некоторая отстраненность от самого человека, который, будучи наделенным собственными человеческими чувствами, эмоциями и ощущениями, является воплощением того самого субъекта, который постигает мир в своем самообнаружении.

Основываясь на данных позициях, мы полагаем поэта в качестве вневременного и внепространственного воплощения субъективности, проводника сущностных начал Бытия в поэзию. Исходя из того, что и поэзия, и поэт мыслят не метафизически, рационально однонаправлено, а сущностно,

эмпатийно и «фасетно», сразу охватывая предмет целиком, то и говорить о них можно, по выражению французского философа П. Рикера, лишь «Рацию, привитым герменевтически», то есть несущим понимание, переживание, любовь и заботу.

Опираясь на герменевтический анализ, онтологию М. Хайдеггера, интуитивную и психоаналитическую философию Г. Башляра и О. Паса, поэтический и теоретический опыт О. Мандельштама и М. Цветаевой, данное исследование обнаруживает онтологическое значение поэта в опыте мировой культуры, заключающееся в культурной трансляции, которая строится по принципу диалога.

Диалог обнаруживает себя одним из выражений фундаментального закона мироздания — принципа симметрии. Дополнительным определением симметрии, ее закономерности как основы существования, является принцип ответа-отражения в его различных обликах, своеобразных «зеркала» от статичных и точных до динамических и изменчивых — пространственной инверсии. Отражение выступает космическим принципом строения про-